УДК 316.74:001

ЩО МОЖНА І ЩО НЕ МОЖНА ЗМІНЮВАТИ В СОЦІАЛЬНОМУ: ДО ПОНЯТТЯ ПРОТОКОЛУ (ЗА РЕЗУЛЬТАТАМИ ЯКІСНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ)

Голиков Александр Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

В статье осуществляется концептуализация протокола как знаниевого конструкта, то есть как инструмента синтетического (макро- и микро-) выстраивания агентом и структурами социального знания. С привлечением методологии «синтетических» теоретиков (П. Бурдье, Э. Гидденс, Н. Луман, Н. Элиас) автор доказывает, что традиционные схожие концепты (такие, как фреймы или институты, структуры или габитусы) в том или ином виде склоняются к одной из полярных парадигматических оптик (макро- или микро-), тогда как понятие протокола позволяет выстроить теорематику социологии знания без явного крена в одну из сторон. Подчёркивается, что одним из вариантов исследования протоколов может быть исследование умалчиваемого, очевидного, неоспоримого, непроговариваемого - всех тех доксических структур, из которых конституируется здравый смысл. Делается вывод, что протоколы представляют собой порядок организации знания, который крайне редко оспаривается и активно (то есть деятельностно) защищается социальными агентами.

Ключевые слова: знание, социология знания, социальное, протокол, фокусированные групповые интервью.

У статті здійснюється концептуалізація протоколу як знаннєвого конструкту, тобто як інструменту синтетичного (макро- і мікро-) вибудовування агентом і структурами соціального знання. З використанням методології «синтетичних» теоретиків (П. Бурдьє, Е. Гідденс, Н. Луман, Н. Еліас) автор доводить, що традиційні схожі концепти (такі, як фрейми чи інститути, структури чи габітуси) в тому чи іншому вигляді «дрейфують» до однієї з полярних парадигматичних оптик (макро- чи мікро-), тоді як поняття протоколу дозволяє вибудувати теорематику соціології знання без очевидного крену в один з боків. Підкреслюється, що одним з варіантів дослідження протоколів може бути дослідження замовчуваного, очевидного, недискутованого, непроговорюваного, - всіх тих доксичних структур, з яких конституюється здоровий глузд. Формулюється висновок, що протоколи є порядком організації знання, який вкрай рідко оспорюється і активно (тобто діяльнісно) захищається соціальними агентами.

Ключові слова: знання, соціологія знання, соціальне, протокол, фокусовані групові інтерв'ю.

In article conceptualization of the protocol as knowledge construct that is as tool of synthetic (macro - and micro) building by the agent and structures of social knowledge is carried out. With attraction of methodology of «synthetic» theorists (P. Bourdieu, E. Giddens, N. Luhmann, N. Elias) the author proves that traditional similar concepts (such as frames or institutes, structures or habituses) in any way incline to one of polar paradigmatic optics (macro - or micro) whereas the concept of the protocol allows to build knowledge sociology theorematics without explicit roll in one of the sides. It is emphasized that one of options of a research of protocols can be the research which is held back, obvious, indisputable, not pronounced, - all those doxa's structures which constitute common sense. The conclusion that protocols represent an order of the organization of knowledge, which is extremely seldom disputed and is actively (that is in activity) protected by social agents, is drawn.

Keywords: knowledge, sociology of knowledge, social, protocol, focused group interview

Синтетическая тенденция в современной социологии, воплощённая в деятельности ряда крупнейших теоретиков современной социальной науки (Н. Луман, П. Бурдье, Э. Гидденс, П. Штомпка, с некоторыми допущениями – М. Арчер, Н. Элиас, У. Бек, Ю. Хабермас), поставила себе целью сформулировать балансную теорию социального как одновременно конструируемого и структурируемого, объективного и субъективного, реалистического и номиналистического. При этом многие наработки жёстких макротеорий (структурный функционализм, (нео)позитивизм, институционализм) или мягких микротеорий (феноменология, социология знания, этнометодология, теория обмена) остаются на периферии синтетических процессов, несмотря на колоссальные усилия по максимальному вовлечению в эти процессы всех доступных социологических концептуальных ресурсов. Это приводит к тому, что в процессах теоретического и эмпирического синтеза перманентно образуются те или иные формы крена новых теорий в сторону одного из полюсов, между которыми синтез пытается «пройти».

Одним из примеров такого крена является исследование знания. Даже, пожалуй, наиболее последовательный из синтетиков – а именно Пьер Бурдье – не удержался от того, чтобы фактически

© Голиков А. С., 2017

структурализовать проблематику знания, «подчинить» знание социальной онтологии. Габитус у Бурдье, пусть и позиционированный как структура, предрасположенная функционировать как структурирующая, первично всё-таки является структурированной структурой [1]. Точно так же у Лумана коммуникация как самореферентный, автономный процесс осуществления актов отбора (селекции) смысловых материалов оперирует более или менее объективными смыслами [2].

В то же время современный мир, с его диверсификацией форм социального, повышением разнообразности и, вследствие этого, рискованности любых, даже ранее совершенно предсказуемых и рутинизированных социальных ситуаций [3], нуждается в социологическом обращении к углублённому изучению структур и процессов формирования и функционирования знания.

Именно поэтому ***целью*** нашей статьи является концептуализация знаниевых протоколов как процедурного условия режимной реализации социального порядка и как набора знаниевых структур.

Проанализировав социальный порядок как неслучайность социального взаимодействия [4], то есть как устойчивую онтологию возможности интеракции, мы определили тогда же режим как порядок (реализации) порядка. На языке социологии знания – как актуализированное в структурах (то есть объективированное и институционализированное, используя категории Бергера и Лукмана) знание. Подразумевая под знанием актуализированное в действии (дис)тождество и (не)эквивалентность, мы на «молекулярном» уровне можем понять протокол как микроинструмент режима порядка социального, представляющий собой универсум суждений о тождестве или дистождестве, эквивалентности или неэквивалентности – то есть универсум суждений знания о (социальном) мире. В понимании суждения мы опираемся на бурдьевистскую посткантовскую концептуализацию суждения [5], а именно как любое различение, производимое социальными инструментами в социальных порядках: «…нельзя не увидеть, что решение, если оно имеет место, и «система предпочтений», лежащая в его основе, зависят не только от всех предшествующих выборов принимающего решения лица, но еще и от условий, в которых делались «выборы», добрую часть которых составляют выборы тех, кто решил за него, на своем месте, заранее посудив о его суждениях и формируя тем самым это его суждение» [6, с. 96].

Протоколы (данный концепт взят нами изначально в порядке метафоризации из современных ИКТ-реалий, где он означает стандарт, описывающий правила взаимодействия функциональных блоков при передаче данных; также – файл с записями в определённом, чаще всего хронологическом, порядке о событиях[1]) мы рассматриваем как упорядоченный и режимный способ регулярного воспроизводства режимов, а через них – порядков. Как мы уже указали, далее неразложимым атомом протокола является суждение (суждение вкуса, если это протокол эстетический; суждение правил, если протокол интеракционный; суждение тождественности, если это протокол идентичностей и так далее), которое оценивает социальный порядок, окружающий агента, и режим этого порядка как его воспроизводства. Поэтому протокол может быть рассмотрен:

- интернально, то есть с точки зрения его внутреннего наполнения. К наполнению протоколов мы можем отнести перечень постоянных и переменных, описание операций, реестр (не)допустимого, каталог (не)заметного, базовые уравнения (равенства и неравенства) социального опыта данного агента, ключевые и наиболее часто встречающиеся различ(ен)ия, требующие наиболее оперативного и частого извлечения из (социального и индивидуального) бессознательного для практикования. Этот список не является, конечно, исчерпывающим, однако он является наиболее очевидным и, пожалуй, неоспоримым, если опираться на вышеприведенных теоретиков (Бурдье, Гидденс, Луман, Элиас);

- экстернально, то есть с точки зрения соотношения с другими протоколами. Исходя из поверхностного анализа таких феноменов, как, например, наивность или тактичность, социабельность или естественность, мы можем заметить существование протокола протоколов (то есть протокола, регламентирующего практики оперирования протоколами; то есть метапротокола), протокола режимов (который мы и склонны определять как тактичность, то есть способность с определённым тактом (в большинстве смыслов этого слова – и в механическом, и в музыкальном, и в этическом) «переключать» практики между протоколами. Для иллюстрации достаточно вспомнить любой яркий в силу скорости переключения пример вроде «переключения» между протоколами гафтовского лакея, который из протокола официального доклада «переключился» в протокол интимного и предпочёл некоторое время не-замечать викториански бестактное обнажение предположительно женского тела), протоколов пространств, времени, сообществ, институтов, протоколы макро-, мезо- и микропорядков и так далее. Виртуозность им-,

[1] Заметим, что тут полезным является и анализ этимологии слова, означающего в переводе с греческого «первый клей», поскольку исторически протоколом назывался лист, приклеенный к эльвитуту свитку папируса, с титульной информацией (дата написания, имя писателя) и кратким содержанием свитка; а также этимологически и эпистемологически важным является юридическое понятия «протокол» (а именно запись в определённом формате, фиксирующая произошедшие или происходящие события), международно-правовое (как исторически сложившийся и культурологически обусловленный свод правил и предписаний, в соответствии с которым регламентируется и регулируется порядок официальных церемоний и мероприятий; или: совокупность общепринятых правил, традиций и условностей, соблюдаемых правительствами, ведомствами иностранных дел, диппредставительствами или официальными лицами) и медицинское (подробный план лечения заболевания). Впрочем, эвристика этимологии понятия «протокол» не входит в задачи данной статьи.

экс- и мультипликации протоколов связана прежде всего с продуцированным социальным опытом агента навыком соотнесения онтологического порядка и когнитивных иерархий (классический вопрос, возникающий перед любым дважды структурированным своими ролями агентом: в данный конкретный момент и данной конкретной интеракции передо мною мой отец или мой начальник / преподаватель / глава государства и так далее). Именно с точки зрения наличия метапротоколов можно и нужно понимать нашу гипотезу об исчезновении системности социального знания [7]: знание будет фрагментировано, если метапротокол будет отсутствовать или существенно повреждён.

Эти предварительные замечания необходимы были для того, чтобы обозначить предмет нашего исследования в силу того, что в дальнейшем исследование протоколов на эмпирическом материале во многом будет осуществляться косвенно, через выделение границ и области неприкосновенного или необсуждаемого. Эмпирической основой нашего исследования является исследование Социологической ассоциации Украины «Реформы высшей школы Украины в оценках участников образовательного процесса» (2016 год, 32 фокусированных групповых интервью с преподавателями и студентами в 57 вузах Украины, руководитель проекта – акад. В.С. Бакиров).

В данном проекте мы избрали блок по восприятию участниками образовательных практик реформ и изменений. Показательным с точки зрения исследования феномена и структур протоколов организации социального, с нашей точки зрения, этот кейс является постольку, поскольку именно этот аспект процессов динамики в системе образования является наиболее глубоким и очевидным (в социологическом, а не повседневном, смысле слова) образом затрагивает протоколы, их внутренние элементы и процедуры воплощения протокольных норм и правил.

Обратим внимание на то, что в этом отношении показательным являются следующие тенденции, обнаруженные нами в вербальном поведении респондентов.

1. Стремление не просто к сохранению и воспроизводству, а к кумулятивному углублению и прогрессирующему развитию существующих протоколов.

> ***С_Анастасия2_Ж_5_СГ_Д***[2]***:*** *Я считаю, что каждая специальность должна изучать, углубляться в свои предметы, потому что как бы я уже сказала, что человек сюда пришел уже сформированный, он знает, то что должен знать...*[3]

Респонденты демонстрируют стратегическое (в категориях П. Бурдье [8]) стремление не просто сохранять, но и развивать «привычные», «устойчивые», «общепринятые», «здравосмысленные» структуры социального, а следовательно, и знаниевые протоколы, организующие эти структуры. Здесь показательно, что респонденты апеллируют к вербальным маркерам «как я уже сказал(а)», «очевидно, что», «понятно», «безусловно», «я уже говорил» и прочим маркерам, апеллирующим к вышеприведенным прилагательным.

Ещё одним таким маркером «очевидности» и «самопонятности» являются «риторические» и «контратакующие» вопросы вроде «почему нет» и «а какие варианты»?

М: *Ясно, то есть философия пусть остается, да?*

С_Анастасия2_Ж_5_СГ_Д: *Ну, почему нет?*

Протоколы сохраняют и развивают себя через апелляцию к «здравому смыслу», к «несопротивлению» (что, безусловно, менее активно, более пассивно, требует меньших усилий и меньшей рефлексии), к феноменологическому «и-так-далее» и адамсмитовскому «пусть всё идёт как идёт».

С_Ярослав1_Ч_4_СГ_Д: *Пусть люди занимаются тем, чем хотят, но в рамках учебного процесса, конечно.*

В_Володимир_Ч_29_К_П_Д: *Вузам нужно дать больше самостоятельности менять программы под свои условия. Дать стандарт, киевский - общий, а свой вуз имеет свою специфику, и мы знаем, что требуют от этого и от этого и не только финансовая самостоятельность чтобы была, но и учебная ... работа.*

При этом протоколы как самореферентные системы [9], осуществляя практическую самореференцию, «перекрывают», герметизируют возможности рефлексивной, когнитивной, критической самореференции. Расширенное самовоспроизводство знаниевых протоколов, таким образом, не требует активного одобрения – оно довольствуется пассивным принятием, деятельностным не-оспариванием.

2. Партикулярные протоколы социального, обнаруженные нами в партикулярном (специфичном, по Бурдье) социальном поле образования в отношении партикулярного (специфичного) процесса трансформации / изменения, при этом апеллируют к (более) универсальным протоколам (а вместе с ними – и к стоящим за ними очевидностям и максимам здравого смысла).

С_Наталия_Ж_5_П_Д*: Ну, нам как специалисту, мы практики, нам это (философия, социология, политология – А.Г.) не совсем, поэтому чисто для развития себя как личности ...*

В частности, мы наблюдаем апелляцию к протоколам общеморальным, общегуманистическим, религиозным или мировоззренческим с целью легитимации дальнейшей устойчивости наличных структур социального, а вместе с ними – и знаниевых протоколов.

---

[2] Здесь и далее: М. – модератор; С/В – студент/викладач; Ж/Ч – жіноча/чоловіча стать; N – стаж перебування у статусі; К/Д – кандидат/доктор наук; СГ/Т – соціогуманітарні/технічні науки; Д – державний ВНЗ.

[3] Тут и дальше – приводится на языке оригинала, с сохранением синтаксиса, грамматики и лексики.

3. Знаниевые протоколы как когнитивная инфраструктура социального неизбежно требуют своего увязывания, логического и структурного коннотирования как к деятельностной инфраструктуре социального (в виде социальных институтов, правил, законов и закономерностей и т.п.), так и к материальной инфраструктуре социального.

Так, деятельностная инфраструктура социального в случае отсутствия вступает в конфликт со знаниевыми протоколами.

В Наталя Ж 35 КД СГ Д: *Ну, я не согласна с тем, что нет самостоятельной, нет индивидуальной работы со студентом. она есть! Другое дело, что она не заложена ни в нагрузку – никуда! Разве перестали готовить детей к олимпиадам? Разве перестали готовить, допустим, там, к магистрантам и так далее. Это колоссальный труд и колоссальное количество времени, а с другой стороны, а то, что у нас нет этого в нагрузке и мы все это делаем, простите, просто за счет своего личного времени. ...Это все только на энтузиазме. Опять-таки, разве мы не пишем, разве мы перестали писать научные статьи, методические, методическое обеспечение к каждому курсу, а курсы мы постоянно разрабатываем новые, каждый год что-то и, естественно, опять таки обеспечение нам хоть один час под это дается?! Нет! Почему? Почему мы, исследуя тему вместе с магистрантом, разве мы не занимаемся научной работой?*

Обнаруживается, что знаниевые протоколы нуждаются не только в общепринятости как смысловой легитимации, но и в социоструктурной легитимации через коннотирование с деятельностной инфраструктурой социального. Практики, «прописанные» в знаниевых протоколах как легитимные и «правильные», нуждаются в коннотированном подтверждении этого статуса в деятельностной инфраструктуре. Более того, именно к деятельностной и материальной инфраструктуре социального (а не к когнитивной инфраструктуре) респонденты предъявляют наибольшее количество возможных претензий и требований, социально-бессознательно (снова-таки в бурдьевистском смысле) легитимируя и защищая когнитивную инфраструктуру.

«...реформировать «не содержание, а организацию...»; «Треба реформувати навчальний процес і його якість наближати більше до практики»; «...нам сокращают общение преподавателя и студента до минимума - это микропреступление»; «Холодно очень и порой не до содержания»; «...заняття необхідно проводити тільки в першу зміну»; «Нужно переосмыслить соотношение дисциплин и распределение их по курсам»; «Нужно создать какой-то сайт, страничку, группу, которая будет выкладывать информацию о проведении занятий».

Приведенная выше подборка достаточно часто встречавшихся (а посему генерализованных нами как обобщённые и безличностные) суждений и категоризаций иллюстрирует сформулированную нами гипотезу. Обнаруживается, что материальн(о-техническ)ая или деятельностн(о-техническ)ая инфраструктура социального подвергаются осмыслению или рефлексии, в первую очередь, тогда как когнитивная инфраструктура (собственно, протоколы) остаются за пределами рефлексии.

4. Рефлексируемые, осознаваемые и критикуемые аспекты знаниевых протоколов также весьма показательны. Показательность эта в следующем:

- *во-первых*, все рефлексии и критика осуществляются по отношению к «традиционно критикуемым» и «привычно рефлексируемым». Категория «привычной рефлексии» (или рутинизированной рефлексии) может показаться кентаврической и парадоксальной, однако стоит признать, что помимо рефлексии, деконструирующей привычности и, соответственно, саму ткань социального, агенты осуществляют рефлексию, которая входит в рутинизированные практики и, соответственно, легитимно воспроизводит эту ткань. Здесь мы наблюдаем интересную параллель с гидденсовским понятием рефлексивного мониторинга действия [10; 11] (где само существительное «мониторинг» апеллирует к повторяемости и рутинизации) и подразумеваем, что повседневные агенты осуществляют нерефлексивную селекцию объектов рефлексии. Эта селекция осуществляется либо на основании господствующего дискурса (в том числе и господствующей критики; причём это господство может быть как структурным, воплощённым во властной критике, так и статистическим, воплощённым в массовой критике. В любом случае акт критики востребует социального и структурного «облегчения», «упрощения» начала и осуществления акта критики), либо на основании (более или менее привычных) прецедентов и опыта, и здесь весьма показательным является вполне типичное суждение из серии *«Студент должен сам найти преподавателя».*

В_Олексій_М_45_БС_Т_Д: *Ми втратили таку форму як індивідуальна робота викладача зі студентами. У викладача в умовах паперового потоку немає для цього можливості.*

В этом смысле даже качественные техники и методики исследования протоколов обнаруживают свои слабости и проблемы: ведь сама постановка модератором или интервьюером вопроса определённым образом легитимирует, узаконивает, эксплицирует, «раскодирует», «разволшебствует» и упрощает акт критики для любого респондента. Респондент в рамках своего протокола интервью воспринимает вопрос интервьюера как «подсказку», «намёк», «помощь в критике». Поэтому данные нашего исследования стоит воспринимать с определённой осторожностью. Так, показательным является, что на вопрос модератора, содержащий эмотивную конструкцию «*стоит ли вообще* преподаватель непрофильные дисциплины для специализаций», ответы были, с нашей точки зрения, во многом предопределены самим этим эмотивом:

С_Сергей 1_Ч_4_Т_Д: *Количество часов, которые отводятся на эти предметы слишком большое.*

С_Роза_Ж_4_Т_Д: *И требования к таким предметам у преподавателей как-то очень завышенные. Они как бы, не понимают, что нам это, например, в общем-то, для общего развития нужны, может не стоит так углубляться, может в общем, как бы рассматривать эти предметы.*

- *во-вторых*, мы обнаруживаем, что важным источником и способом легитимации рефлексивной критики и рутинизированной рефлексии оказывается прошлое и опыт. В частности, в группе респондентов «преподаватели» апелляция к ним куда более распространена, чем в группе респондентов «студенты». «Универсум значений» прошлого и опыта оказывается столь значимым, что только апелляции к сопоставимым по мощности универсумам значений (например, прогресса и развития, гуманистических целей и так далее) могут быть сравнены с ним по частоте и дискурсивной силе.

В_Валентина_Ж_4_БС_СГ_Д*: У меня сложилось такое впечатление во время нашей дискусии, что компьютерные новшества и преподаватели стоят по разную сторону. Мне кажется, что как раз современному преподавателю нужно использовать эти компьютерные ресурсы. Возможно нужно создать какой- то сайт, страничку, группу, которая будет выкладывать информацию о проведениях занятий. Это очень удобно.*

С_Анна_Ж_5_Е_Д*…введення якоїсь електронної системи, платформи, для кожного університету. Просто для ефективнішого комунікування викладач-студент чи студент-кафедра, чи між кафедрами.*

Так, в знаниевых протоколах ткани социального в поле образования как несомненное и нерефлексируемое конституируется идея необходимости, универсальности и общеобязательности использования коммуникативных и информационных технологий. Микроповседневная аргументация через комфорт и удобства на самом деле латентизирует куда более мощный и легитимный дискурс открытости, вестернизации, прогрессивности, стоящий за ним и вступающий в действие в случае опровержения (низвержения) аргументации комфорта (для этого стоит привести контраргумент «это (может быть) неудобно для преподавателя»).

- *в-третьих*, знаниевые протоколы актуального поля ткани социального являются объектом повседневной (дискурсивной, практической и материальной) легитимации лишь в силу прошлого, опыта и, как бы выразился П. Бурдье, наличия специфичных ставок в данном поле. Так, мы видим, что наиболее заинтересованными в трансформации знаниевых протоколов, отвечающих, в том числе, за распределение власти в поле образования, оказываются именно студенты как агенты, не имеющие долгосрочных и укоренённых в длительном прошлом ставок.

Модератор: Должно ли быть у студента право выбирать предметы?

С_Татьяна_Ж_5_П_Д: *Я лично считаю, что в специальности должна быть часть предметов обязательных, а часть предметов выбирать.*

С_Анна 2_Ж_4_Т_Д: *Еще можно, чтобы такие предметы были, как-то такие общие предметы на первых курсах, а когда уже третий, четвертый курс – больше по своей специальности.*

С_Інна_Ж_4_Е_Д: *...Можливо, було б правильним, щоб дисципліни обирав університет, кафедра чи інші компетентні структури, а студент вибирав викладача, який, на думку студента, подасть йому матеріал найкраще.*

Отсутствие жёстких и строгих протоколов приводит к восприятию поля образования как маркетизированного, дискретного, коммодифицированного пространства и индикативно именно в этом смысле. Такой глубины и амбициозности «покушение» на когнитивную инфраструктуру социального среди ответов преподавателей нам обнаружить не удалось, и этот момент показателен.

5. Протокол образования как непосредственной коммуникации преподавателя и студента, тем не менее, воспроизводится и в студенческих габитусах. Нерефлексивная протокольная нормативность образования как непосредственного репрессивного насилия (по М. Фуко [12]) также воспроизводит себя в метафорах вроде «знающий человек», «устанавливать баланс», «системное мышление», «режим», «личностный фактор преподавателя».

С_Максим_Ч_5_П_Д: *Тоже, я уже говорил, знающий человек должен устанавливать этот баланс между часами лекций, практических, лабораторных. Чтобы не было так, что идет 4 лекции, потом 1 лабораторная, или наоборот – 10 лабораторных и 5 лекций.*

С_Андрій1_Ч_5_Е_Д: *Ставлюсь до збільшення кількості самостійних годин вкрай негативно. Для того, щоб ми були висококласними спеціалістами, у нас не повинно бути мозаїчного мислення. А те, що багато тем випадає із лекційного і практичного курсу, сприяє саме цьому.*

С_Лариса_Ж_4_Т_Д: *Підтримую Андрія. У нас має бути певний режим, потрібно більше часу проводити в університеті, переймати досвід у викладачів.*

С_Ігор1_Ч_4_СГ_Д*…Чи варто повністю відвернутись від викладачів? Ні. Тому що особистісний фактор, він грає ключову роль. Тобто інтеракція, вона постійно мусить бути між викладачем і студентом, тому що насправді, якщо викладач саме викладач, і він знає свій предмет, він має якусь харизму… Тому я вважаю, що повинна бути якась рейтингова система викладачів …*

Протокол очности и коммуникативности образования, таким образом, себя воспроизводит в новых условиях, с новой аргументацией, на базе другой инфраструктуры, однако проявляет себя как устойчивый и жёсткий. Вероятно, корни этого протокола в условиях становления как электронного (дистанционного)

образования, так и появления разнообразных альтернативных систем образования (от мастер-классов и публичных лекций до корпоративных и онлайновых платформ) необходимо искать в школьной системе образования, однако этот вопрос выходит за пределы данного исследования.

6. Онтология знаниевых протоколов нуждается в отсылке к «высшим авторитетам», в определённом отнесении и отношении к ним. Это свойство протоколов мы уже констатировали, однако тут нужно указать, что это отношение может быть как апологетическим, позитивным, воспроизводящим и копирующим, так и негативным, отрицающим, критикующим, противопоставляющим (вплоть до blame speech из серии *« от советской системы еще не достаточно ушли. Есть документация и нет свободы»)*:

С_Ігор1_Ч_4_СГ_Д *Це, наприклад, дуже популярно в Німеччині, коли людина записується до якогось викладача, є якийсь рейтинг, він на нього записався, і якщо він всім подобається, то всі будуть до нього ходити...*

ЧЕРНОВЦЫ: *...слід використати європейський досвід, коли студент самостійно шукає базу практики, куди його запрошують після проходження співбесід і, можливо, у майбутньому він буде працевлаштованим саме там. (ЧЕРНОВЦЫ)*

С_Анна 1_Ж_4_Т_Д: *Ну, безусловно, качество подаваемой информации, применительно опять же к нашей специальности. Она у нас достаточно прогрессивная. И информация, нуждающаяся в истолковании для студентов, меняется, с каждым днем все новое, и новое, и новое. А нам преподают, как уже сказал Максим, по меркам двадцатого, если не девятнадцатого века.*

При этом «объектом (контр)идентификации» для протоколов может быть как социокультурная система («система образования Германии»), так и геополитическая мифологема («европейскость»), исторический период («советская система»), мировоззренческий концепт («прогресс»), стереотипный конструкт («двадцатый век»).

7. Одним из способов самозащиты и самовоспроизводства со стороны знаниевых протоколов является использование социально приемлемых, «ожидаемых» дискурсивных формаций, которые при этом в силу неконкретности, перечисления чрезмерного количества альтернатив или банализации, с одной стороны, релевантны «внешним ожиданиям» (в лице модератора / интервьюера), с другой же – не дискомфортны для агента, практикующего определённый образ протокола. Так, многократно упоминается «*проблема перехода из школы в вуз*» в том числе потому, что эта проблема релевантна банальным и тривиальным ожиданиям, и потому, что это позволяет считать себя «выразившим социальное бессознательное» без взятия на себя ответственности за формулировку.

В_Валентина_Ж_24_КН_СГ_Д: *Звичайно, треба вносити зміни і в навчальний процес, і однозначно це має бути. І змінювати процеси щодо організації практики , систему фінансування треба міняти. Якійсь, можливо, нові підходи до взаємостосунків між вищими навчальними закладами, у тому числі і за кордоном.*

В_Оксана_Ж_17_К_СГ_Д: *«Чтобы у нас сбалансированной была наша нагрузка, работа, у нас было больше времени для поисков грантов, и всего остального».*

В этом смысле мы можем предполагать, что протоколы воспроизводятся, бытийствуют и развиваются, в том числе, в техниках (само)критики в случае определённым образом осуществлённого (само)анализа без анализа, и наблюдения за повседневным опытом агентов это целиком подтверждают. К таким техникам можно отнести и банально-демагогичные заявления из серии «*Організація навчального процесу повинна бути достатньо гнучкою, щоби відповідати сучасним вимогам виробництва, ринку праці та інформаційній глобалізації світу»,* которые, с одной стороны, ни к чему не обязывают, но с другой – позиционируют респондента (агента знания) и в собственных, и в исследовательских глазах (суждении) как ответственного и адекватного современности / вызовам действительности / актуальным проблемам и т.д.

Таким образом, осуществив концептуализацию протокола как знаниевого конструкта, то есть как инструмента синтетического (макро- и микро-) выстраивания агентом и структурами социального знания, мы с привлечением методологии «синтетических» теоретиков попытались продемонстрировать концепт протокола как способный выстроить теорематику социологии знания без явного крена в одну из сторон. Протокол мы определили в соотнесении с категориями практик, режимов, порядков, контроля, доксы, знания, а на эмпирическом материале в рамках данной статьи мы продемонстрировали один из вариантов исследования протоколов, то есть исследование умалчиваемого, очевидного, неоспоримого, непроговариваемого, – всех тех доксических структур, из которых конституируется здравый смысл.

Продемонстрировав свойства протоколов, их когниерархические (когнитивно-иерархические) связи и соотнесения, их фундированность и самообоснования, мы показали протоколы как порядок организации знания, который крайне редко оспариваются и активно (то есть деятельностно) защищается социальными агентами.

Дальнейшее исследование данной темы мы видим в интернальном исследовании протоколов, анализе его структур и онтологии (исследование постоянных и переменных в структуре протоколов, анализ места и функций доксических и спорных суждений, соотношения ценностных, рациональных, идеологических, идентификационных, эмоциональных и т.п. суждений в «молекулярной» структуре протокола), а также в гносеологически классифицирующем усилии по отношению к этим

классифицирующим и онтологически классифицированным структурам, что позволило бы построить (потенциально) исчерпывающую классификацию протоколов.

Литература:

1. Бурдье П. Практический смысл ; пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. — СПб.: Алетейя, 2001 г. — 562 с.
2. Луман Н. Что такое коммуникация? / Н. Луман // Социологический журнал. — 1995. — № 3. — С. 114—125.
3. Общество риска: На пути к другому модерну / У. Бек пер.; с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
4. Голиков А. С. Порядки и режимы: к построению знаниневого дизайна исследования социального / Голиков А. С. // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке / Материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского 10-12 ноября 2016 года / отв. редактор: Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2016. – 1634 с., с. 236-238
5. Бурдье П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6. – № 3. – с. 25-48.
6. Бурдьё П. Начала. Choses dites: пер. с фр. / Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. Перевод Шматко Н. А./ — М.: Socio-Logos, 1994. — 288 с.
7. Голиков А.С. Системность социального знания как феномен и факторы его крушения / Олександр Сергійович Голіков // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: збірник наукових праць. – Випуск 17. – Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна. – 2011. – 488 с., с. 27-34.
8. Бурдьё П. Социология политики / Бурдьё Пьер : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.
9. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Луман Никлас; пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. — СПб.: Наука, 2007. — 648 с.
10. Керимова Л. М. Теория структурации Э. Гидденса: методологические аспекты / Керимова Л. М., Керимов Т. Х. // Социологические исследования. – 1997. – № 3. – с. 37-47
11. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации / Гидденс Энтони. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
12. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Мишель Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.